

52

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

1 9 3 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Анна Михайловна Панкратова

РАБОТА МАРКСА НАД ВОПРОСАМИ ТЕОРИИ

Сотни и тысячи наших кадров партийной и беспартийной интеллигенции приступили к глубокому изучению «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Их крайне интересует вопрос о том, как лучше и глубже овладеть марксистско-ленинской теорией, как продуктивнее работать над «Кратким курсом истории ВКП(б)» и произведениями классиков марксизма-ленинизма. Прямой и ясный ответ на этот вопрос дает историческое постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», указавшее, что «основным методом обучения кадров марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии».

К сожалению, мы еще не достаточно знаем этот опыт работы старшего поколения большевиков и еще плохо учимся сами работать так, как работало это поколение. Мало изучен у нас и вопрос о том, как учились и работали над вопросами теории могучие умы и гении человечества: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин,—создавшие в условиях многолетних трудностей, материальных лишений, политических преследований и буржуазной клеветы теорию научного социализма для блага и счастья всего эксплоатируемого человечества.

Изучение научной лаборатории и методов творческой работы в области теории основоположников научного социализма должно стать обязательной задачей наших научных теоретических кадров, стремящихся прочно и глубоко овладеть марксистско-ленинской теорией.

1

После смерти Карла Маркса — гениального основоположника великой науки освобождения человечества — его друг и соратник Фридрих Энгельс, 40 лет рука об руку с Марксом создававший теорию научного социализма, не раз с тревогой и беспокой-

ством обращал внимание на низкий теоретический уровень марксистских кадров немецкой социал-демократической партии, в рядах которой уже тогда обнаружились неискренне-филлерские элементы будущих ревизионистов, неспособные продолжать и развивать революционный марксизм.

К этому «племени филлеров», по словам Маркса, принадлежал и молодой германский социал-демократ Карл Каутский, которого Маркс характеризовал как «санмонадеянного всезнайку»¹.

«Его юношескую склонность к поспешным выводам, — писал Энгельс, — еще более укрепил гнусный метод преподавания истории в университетах, особенно — австрийских. Там систематически приучают студентов писать исторические работы на материале, о котором они заведомо знают, что он недостаточен, но который они должны рассматривать как достаточный, — следовательно, писать вещи, которые сами они не могут не считать неверными, но должны их считать верными. Все это Каутский, конечно, проделывал особенно шустро. А затем жизнь литератора — писать ради гонорара, и писать много. Таким образом, у него не было ни малейшего представления о том, что значит действительно научная работа»².

Подготовляя к изданию после смерти Маркса второй и третий томы «Капитала», Энгельс неоднократно останавливался на методе научной работы Маркса, предсталявшем такой глубокий контраст с укоренившимися традициями и приемами в современной ему немецкой науке.

«Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для II книги, — писал Энгельс, — показывает, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои ветхие экономические открытия, прежде чем опубликовать их; эта самокритика лишь редко оставляла ему возможность приспособлять изложение по содержанию и форме к его кругозору, постоянно расширявшемуся вследствие нового изучения»³.

Еще в гимназические и студенческие годы вопреки всем требованиям и традициям казенного немецкого школарства и официальной науки Маркс поражал своих учителей упорным стремлением к совершенствованию своих школьных сочинений. Учителя Маркса с осуждением отмечали его «постоянные поиски изысканных

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 126.

² Там же, стр. 481—482.

³ К. Маркс «Капитал». Ч. 2-я. Предисловие Энгельса, стр. 5. Госполитиздат. 1938.

образных выражений» и «излишнюю перегруженность идеями»¹.

Имеется указание и на то, что и как читал Маркса, как он штудировал книги, как делал выписки, как вырабатывал те методы научной работы, которые он применял до конца жизни.

«При этом я усвоил себе привычку делать извлечения из всех прочитанных мной книг — например, из «Лаокоона» Лессинга, «Эрвина» Зольгера, «Истории искусства» Винкельмана, «Немецкой Истории» Людена — снабжая их своими замечаниями»², — писал Маркс.

В 1839 году Маркс приступил к работе над докторской диссертацией, метод подготовки которой не мешало бы изучить всем нашим диссидентам. На основании обширного и тщательно проработанного материала, постепенно уточняя и конкретизируя тему, Маркс написал свою докторскую диссертацию «О различии между натурфилософией Демокрита и Эпигура».

Сохранилось десять тетрадей с материалами к диссертации. Из них шесть — заключают текст и четыре — примечания, цитаты, указания на источники, дополнения и тому подобные материалы. Найдены среди тетрадей Маркса и семь больших тетрадей дополнительных материалов для продолжения работы на темой диссертации о связи эпикурейской, стоической и скептической философии со всем греческим умозрением. В строгом смысле философские тетради Маркса представляют не просто записи или конспекты книг, а предварительные заключения и обобщения самого Маркса на основе и по поводу прочитанных книг³.

Еще ярче и конкретнее вырисовываются методы научной работы Маркса при анализе с этой точки зрения его экономических работ.

Для серьезного и обстоятельного изучения этой стороны работы Маркса и Энгельса в Институте Маркса — Энгельса — Ленина имеется ценнейший материал в виде большого числа тетрадей с выписками и конспектами, 700 рукописей различных работ Маркса и Энгельса, свыше 2 тысяч писем их друг к другу, около 9 тысяч писем разных лиц к Марксу и Энгельсу, не-

¹ См. оценки гимназических работ Маркса в сочинениях Маркса и Энгельса (т. I, стр. 417—429). В аттестате зрелости об окончании гимназии также указывается: «Его сочинение обнаруживает, объективно говоря, богатство мыслей и глубокое понимание предмета, но часто оно излишне перегружено» (т. I, стр. 429).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. I, стр. 435.

³ Диссертация и подготовительные материалы к ней опубликованы в I томе собрания сочинений Маркса и Энгельса.

скольких томов их переписки с третьими лицами и т. п.

Но особенно неоценимое значение для изучения творческой лаборатории Маркса имеют до сих пор малоизвестные и почти не использованные записные тетради Маркса. К сожалению, до настящего времени Институт Маркса — Энгельса — Ленина не только не сделал их достоянием нашей советской науки, но даже широко не познакомил научных работников на основании этих материалов с методами научной работы Маркса⁴.

В течение 40 лет (начиная с 1843 года и до самой смерти) Маркс читал и делал выписки, заметки, наброски, конспекты книг по самым разнообразным отраслям знания, но больше всего по экономике. Свои систематические занятия экономическими вопросами Маркс начал в 1843 году и продолжал их в течение всей своей жизни, увенчив эти занятия созданием бессмертного «Капитала», который и сам Маркс считал делом всей своей жизни. «Капитал» нельзя рассматривать как узко экономическое сочинение; это настоящая научная энциклопедия. Именно в «Капитале» нашли наиболее яркое подтверждение слова Ленина, что марксизм как наука есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма⁵.

Марксизм как научная теория дал ответ на вопросы, которые передовая человеческая мысль уже поставила, и этот ответ оказался правильным прежде всего потому, что Маркс и Энгельс глубоко изучили достижения всей предшествующей науки, критически ее переработали, творчески ее продолжили, смело и бесстрашно сломали старое, отжившее и на его место поставили новое, вытекающее из новых условий жизни, из нового опыта.

«Капитал» является наиболее ярким примером того певиданного в истории науки приложения, с каким Маркс собирали и изучал факты, эти отдельные камни своего грандиозного здания.

О роли фактов в научном исследовании и о том, как подходить к их изучению, Энгельс писал в старом предисловии к «Анти-Дюрингу»: «В любой

⁴ В этом отношении можно назвать лишь информацию тт. Адоратского и Леоптьева во время 50-летнего юбилея со дня смерти Маркса, а из статей единственной серьезной работой на эту тему является статья тов. Адоратского «Работа Маркса над „Капиталом“» в журнале «Пролетарская революция» № 9 за 1938 год.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 8.

научной области—безразлично, в естествознании или в истории—надо исходить из данных фактов, т. е. что в естествознании надо исключить из различных объективных форм движения материи, и что, следовательно, в теоретическом естествознании нельзя конструировать схемы и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказать их, поскольку это возможно, опытным путем»¹.

Именно этот подход положил Маркс в основу своего изучения капитализма и своей критики буржуазной экономической науки.

Созданию основного труда Маркса—«Капитала»—было отдано 40 лет жизни, а появлению первого тома предшествовала гигантская, 25-летняя работа по экономическим вопросам.

С 1843—1844 годов Маркс занимался за систематическое изучение классической политэкономии. Источником для первоначального ознакомления Маркса с экономической литературой послужила книга Бланки «История политической экономии», с которой Маркс ознакомился, переехав в Париж. В записных тетрадях Маркса за март—август 1844 года огромное место занимают выписки и заметки по экономическим вопросам из произведений А. Смита, Рикардо, Сэя, Сисмонди, Пеккера, Д. Милля и др. Все эти произведения Маркс, еще не знавший хорошо английского языка, штудировал по французским переводам. За 4 года (1843—1847) Маркс проработал огромную литературу. Одни выписки из нее составляют 140 печатных листов. На почве общих научных и политических интересов в этот период (с марта 1844 года) между Марксом и Энгельсом завязывается оживленная переписка, положившая начало их будущей великой дружбе и совместной работе. К 1844 году относится и первая самостоятельная экономическая работа Маркса.

Летом 1845 года Маркс и Энгельс уехали вместе в Англию, в Манчестер, где за время своего шестинедельного пребывания Маркс при помощи Энгельса проделал огромную работу по изучению английской экономической литературы. Из записных тетрадей того времени видно, что Маркс уже читал по-английски Рикардо, Смита, Милля, прокомментировал впервые сочинения Р. Оуэна и его последователей и накопил большое количество конспектов и выписок, которыми он воспользовался позже, при создании своих работ «К критике политической экономии» и «Капитала».

В период революции 1848 года Маркс и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 341 (разрядка моя.—А. П.).

Энгельс, захваченные практической революционной деятельностью, временно прервали научные занятия, но в наступившие затем годы реакции они вновь вернулись к ней, ставя перед собой задачу теоретического обобщения минувшего революционного опыта.

Высланный сначала из Германии, а затем и из Франции, Маркс в середине 1849 года переселился в Лондон. Здесь он вернулся к прерванным научным занятиям, задумав дать глубокую научную критику буржуазного общества. В середине июня 1850 года Маркс получил доступ в библиотеку Британского музея, которую Маркс и Энгельс высоко ценили.

Усердно работая в Британском музее, Маркс возобновил работу над критикой политической экономии, штудировал и конспектировал книги по экономической теории и истории последних лет, изучал статистику, регулярно и внимательно читал текущие номера лондонского журнала «Economist», усиленно интересовался историей хозяйства разных стран и эпох (в это время он сделал выписки из книг: Бека «Государственное хозяйство афинян», Ретмейера «Горнозаводское и металлургическое дело у древних народов» и др.). Осенью и зимой 1850 года Маркс перешел к чтению книг преимущественно по теории и истории денежного обращения и делал выписки из книг: Фуллартона «Регулирование денежного обращения», Жермена «История денег» и многих других. Летом 1851 года Маркс перешел к изучению ренты. Как показывают записные тетради Маркса за 1851 год, Маркс сделал выписки и составил конспекты из таких сочинений, как Рикардо «О покровительстве земледелию», Либих «Органическая химия» и многих других работ по земледелию и земельной ренте. Записные тетради Маркса за 1851 год составляют 14 толстых рукописей, заполненных выдержками из прочитанных Марксов книг.

В то же время Маркс усиленно читал сочинения и по технологии (Бекмана «История изобретений», Юра «Технический словарь» и др.). Наряду с этими занятиями Маркс снова основательно прочитал и прокомментировал классические труды английских экономистов на этот раз на английском языке.

О результатах работы Маркс систематически сообщал своему другу и советнику—Энгельсу, жившему в Манчестере.

Зная величайшую научную добросовестность Маркса, Энгельс не раз выражал опасение, что Маркс не успеет довести свои исследования до конца. Энгельс писал своему другу: «Я рад, что ты, наконец, покончил с экономией. Эта история действи-

тельно пересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание»¹.

Сам Маркс в письме к Вейцемайеру от 27 июня 1851 года писал о том, какого упорного труда требуют от него его научные занятия: «От 9 часов утра до 7 часов вечера я бываю обычно в Британском музее Матерпал, над которым я работаю, так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удается закончить работу раньше, чем через 6—8 недель; кроме того, постоянно присоединяются всевозможные практические помехи, неизбежные при той лондонской обстановке, в которой здесь приходится прозябать Но, несмотря на все, дело быстродвигается к концу Надо же когда-нибудь во что бы то ни стало копчить Демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно Зачем этим счастливчикам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это так просто, как говорил бывало доскойный Вильх Все так просто! Да,—в этих пустых бумагах! Вот уж действительно простаки!»²

Маркс не раз устанавливал сроки окончания своей книги: «в пять недель», как он говорил в 1851 году, «в шесть недель»—в 1856 году Но эти намерения не осуществлялись не только вследствие беспримерной добросовестности и безжалостной сущности самого Маркса, но также и вследствие исключительно тяжелых, угнетавших Маркса материальных обстоятельств и других затруднений внешнего порядка.

До самой смерти великому гению человечества не удалось обеспечить себе хотя бы минимально спносное существование в буржуазном обществе

В феврале 1852 года нужда была так велика, что Маркс не мог выходить из дома и работать в библиотеке, так как его пальто было заложено в ломбарде

Лишь непрерывная самоутверженная поддержка Энгельса, лишь эта великая дружба, которую Ленин считал беспримерной в истории, помогала Марксу побеждать суровые условия жизни в буржуазном обществе и ковать могучее теоретическое оружие пролетариата для неизбежного сокрушения этого общества в будущем

В 1853 году, возобновив после годичного перерыва, вызванного нуждой и болезнями в семье, свои занятия экономикой,

Маркс начал читать книги по промышленности, статистике, организации производства и т. п. Болезнь, тяжелая нужда и необходимость усиленной работы в газетах для заработка неоднократно и в этот период отрывали Маркса от научных занятий политической экономией Вновь вернуться к ним он смог только в 1856 году.

13 февраля 1855 года Маркс сообщил Энгельсу, что он перечитывает свои занесенные тетради за 1844—1847 годы и 1850—1851 годы, «если не для того, чтобы переработать их, то во всяком случае, чтобы овладеть материялом и чертить его ready (готовым.—А. П.) для обработки»³.

Экономический кризис побудил Маркса еще интенсивнее заниматься экономическими вопросами

Изучая кризис, Маркс завел три больших регистрационных книги: по Англии, Германии и Франции, — в которые он с большой тщательностью заносил все важнейшие факты и явления кризиса

В октябре 1857 года Маркс набросал план всей своей экономической работы Осень и зиму 1857 года он упорно работал уже над ее рукописью

В период между январем 1857 и первой половиной 1858 года Маркс заполнил пятью материалами по экономике 7 больших тетрадей (объемом свыше 40 печатных листов) Содержание их представляло связное целое Это были проблемы будущего первого тома «Капитала»: стоимость, цены, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, производительный и непроизводительный труд, накопление капитала, первоначальное накопление и т. д Кроме этих 7 тетрадей, пронумерованных Марксом римскими цифрами от I до VII, к экономическим рукописям этого периода относятся еще 3 тетради (10 печатных листов), в которые входит составленное Марксом оглавление к одной из его цитатных геградей и подробный конспект всей серии тетрадей 1857—1859 годов, озаглавленный «Referate zu meinen eigenen Notizen» («Сводки к моим собственным тетрадям») В этих же тетрадях содержится и рукопись «Введение к критике политической экономии», увидевшая свет лишь через 20 лет после смерти Маркса

Свою критику политической экономии Маркс закончил к концу 50-х годов Об этом свидетельствуют и тетради 1857—1859 годов Эти тетради предназначались Марксом не для печати, а для уяснения вопроса самому себе По ним наглядно можно судить о лаборатории мысли и ходе творческого процесса Маркса Например,

¹ К Маркс и Ф Энгельс Собр соч Т XXI, стр 187
² К Маркс и Ф Энгельс Собр соч Т XXV, стр 102

³ К Маркс и Ф Энгельс Собр соч Т XXII, стр 85—86

излагая взгляды прудониста Даримона о роли металлов и реформе банков, Маркс не только дает в тексте критику этих взглядов, но и среди текста полемики вставляет свои собственные положительные формулировки, которые потом встречаются в «Критике» и в первом томе «Капитала». Уже в этих тетрадях встречаются некоторые из образов, литературных сравнений, полемических приемов, знакомых нам по «Критике» и «Капиталу».

Наглядно выступает в этих тетрадях и критический характер замечаний Маркса против вульгарной буржуазной и утопической мелкобуржуазной политической экономии. Читая сочинения Сениора, Бастиа, Кэри, Мальтуза и др., Маркс в своих тетрадях разоблачает их апологетизм и научное лажество перед буржуазией.

Но прошло почти два года, прежде чем начало рукописи «К критике политической экономии» было подготовлено к печати. К концу мая 1858 года количество накопленного материала так увеличилось, что Марксу пришлось составлять указатель к своим тетрадям, чтобы в них самому разобраться.

Тем не менее Маркс продолжал усиленно разыскивать дополнительный материал, даже отдаленно связанный с темой, над которой он работал.

Уже заканчивая рукопись своей работы, Маркс узнал о появлении новой книги, которая могла ему пригодиться. Маркс попросил Энгельса приобрести эту книгу. «Весьма вероятно,—писал он другу,—что в книге не окажется для меня ничего нового, но по значению, которое придает ей «Economist» и по выдержкам, которые я сам читал, моя теоретическая совесть не позволяет мне писать дальше, не познакомившись с нею»¹.

Маркс проделал огромную подготовительную работу и только после того, как набросок всей системы его взглядов на экономику буржуазного общества был готов, счел возможным опубликовать первые две главы своего 15-летнего труда. Для того чтобы опубликовать книжку в 10—12 печатных листов, Маркс сделал не менее 200 печатных листов выписок из огромной литературы, им проработанной. Маркс так и не опубликовал ранее написанного «Введения», считая неудобным предвосхищать выводы, которые еще должны быть доказаны.

После выхода «Критики» (в 1859 году) Маркс приступил к ее продолжению, вернувшись к дальнейшему изучению про-

блем «капитала вообще», которым он занимался первоначально.

С августа 1861 по июль 1863 года Маркс проделал дополнительную сверхчеловеческую работу, результатом которой явились 23 новых тетради, составивших 1472 страницы. Эта колоссальная рукопись, переписанная сейчас на машинке, составляет 4 тысячи страниц, или более 150 печатных листов. В неслыханно короткий срок, около 2½ лет, Маркс дал обзор всего круга проблем «Калигала». Рукопись 1863—1865 годов, таким образом, представляет вариант всех трех томов «Капитала». В ней изучен во всех подробностях процесс капиталистического производства как процесс производства прибавочной стоимости.

В начале 1862 года Маркс приступил к составлению исторической части своего труда. Его тетради VI—XV (около 100 печатных листов), заключающие критически представленную историю теории прибавочной стоимости, были опубликованы уже после его смерти под названием «Теория прибавочной стоимости».

В процессе работы над рукописью 1861—1863 годов Маркс снова пришел к заключению, что для печати его работа должна быть коренным образом переделана и что план «Капитала» нужно перестроить, а материала расположить в ином порядке, чем в тетрадях 1861—1863 годов.

13 февраля 1866 года Маркс сообщал Энгельсу: «Что касается «проклятой» книги, то дело обстоит так: она была готова в конце декабря... Теперь рукопись готова, но имеет такие гигантские размеры и находится в таком виде, что ее никто, кроме меня, даже ты, не в состоянии издать. Я начал ее переписывать и исправлять стиль как раз 1 января, и дело очень быстро подвигалось вперед, так как для меня, конечно, было только приятно вылизывать дитя после стольких родовых мук»².

Переписка и обработка для печати рукописи, составившей первый том «Капитала» (прежнее название «Критика политической экономии» перешло в общий подзаголовок), снова продолжались (при напряженнейшей работе по 12 часов в день) больше года.

Вооруженный диалектическим методом, Маркс в своих научных трудах стремился к наиболее полному и всестороннему исследованию изучаемого вопроса. Именно поэтому, несмотря на гигантскую работоспособность Маркса, окончание его трудов сильно затягивалось.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXII, стр. 340.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 325—326.

Добиваясь возможного совершенства, Маркс в процессе создания «Капитала» написал, по крайней мере, два варианта работы в целом и не менее шести вариантов отдельных частей. После каждого перерыва Маркс принимался за работу заново.

Работа Маркса над «Капиталом» представляет образец научной добросовестности, не имеющей себе равной. Для создания «Капитала» Маркс глубоко проштудировал всю экономическую литературу на нескольких европейских языках. Он прочел и проанализировал свыше 1½ тысяч книг. Огледливые груды, особенно классиков в области политэкономии (Адам Смит, Давид Рикардо и др.), Маркс конспектировал по 3—4 раза и каждый раз под новым углом зрения. Выписки и заметки Маркса по экономическим вопросам представляют громадный материал на 750—800 печатных листов. Маркс с величайшей добросовестностью привлекал новые и новый материал, стремясь не упустить ни одной появившейся работы, ни одного более или менее значительного источника. Уже закончив в декабре 1865 года первый том «Капитала», Маркс написал почти пятью книгу о ренте, та как ему дали новый материал работы Либиха и Шенбейна по земледельческой химии, которые Маркс считал для теории ренты более важными, чем сочинения «всех экономистов, вместе взятых». С другой стороны, огромный новый материал давали работы французов, появившиеся после окончания работы Маркса над рентой. Впоследствии для работы о ренте Маркс привлек материалы по аграрному вопросу в России, Ирландии и США.

Еще в предисловии к «Критике» Маркс указывал, что его работы «являются результатом добросовестных и долголетних исследований. У входа в науку, как и у входа в ад,—заключал Маркс свое знаменитое преисловие,—должно быть выставлено требование:

Здесь нужно оставить всякое сомнение,
Здесь да умрет всякая трусость!»¹

И Маркс, действительно, в науке, как и в жизни, был подлинным революционером.

Задачу науки Маркс видел в том, чтобы вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации и тем самым помочь пролетариату сбросить их

2

Правильность и жизненность теории марксизма проверялись практикой. Но новаторам в науке, какими были ее величайшие создатели, приходилось проявлять

огромное революционное мужество, смело ломать старые традиции, бесстрашно идти против течения, открыто воевать против самодовольных, отгородившихся от народа «жрецов науки», беспощадно бороться с ее вульгаризаторами.

Маркс и Энгельс никогда не боялись дерзать в науке и, отбрасывая устаревшее, искать новое, более отвечающее новым условиям.

Отношение Маркса к науке было им высказано в письме к излагателю французского перевода «Капитала» в следующих замечательных словах, запомнигь которые следовало бы и сейчас каждому научному работнику, каждому исследователю: «В науке нет широкой столбовой дороги [route royale], и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не сграшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»².

В процессе работы над «Капиталом» Маркс сообщал Энгельсу (15 августа 1863 года), что ему «пришлося решительно все опрокинуть и даже историческую часть обработать на основании частью совершенно неизвестного дотоле материала»³.

Маркс никогда не говорил о предмете, которого он не изучил основательно. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук и всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло. Любой факт, любые цифры, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые известные авторитеты. Даже второстепенные факты Маркс тщательно проверял, никогда не ссылаясь на факт, в котором не был уверен.

Маркс считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или иную идею, тот или иной факт, как бы ни был позабыт познанием этот факт и как бы ни был мало известен сам писатель. При таком методе исследования Маркс преодолевал исключительные трудности. Так например, чтобы написать в «Капитале» около 20 страниц об английском рабочем законодательстве, Маркс проштудировал целую библиотеку «Синих книг», в которых содержались документы следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии. Маркс прочитал эти документы с начала до конца и считал их значительношими документами для изучения капиталистических отношений и форм производства.

Энгельс в предисловии к третьему изданию «Капитала» показал, как Маркс ис-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVII, стр. 23.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 161.

¹ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 8. Госполитиздат 1939

пользовал первоисточники и как цитировал изучаемые труды.

Изучение американских отчетов, английских и французских официальных данных о концентрации капитала, об акционировании, о банках и кредите, о железных дорогах и т. п. заставляло Маркса теоретически обобщать новые явления в экономической жизни.

В связи с вопросом об использовании Марксом и Энгельсом первоисточников полезно остановиться и на их отношении к документам и архивам.

Маркс и Энгельс очень ценили документы и умели ими пользоваться в своей политической борьбе. Разоблачения Марксом инициаторов Кельнского процесса коммунистов и бонапартистского агента Фогта были столь успешны прежде всего потому, что Марксу удалось собрать и использовать против клеветы и лжесвидетельств огромное количество убедительных подлинных документов, часть которых сохранилась в собственном архиве Маркса.

Маркс и Энгельс заботились о создании и сохранении партийного архива, который собирался в Манчестере. Маркс, посыпая Энгельсу какое-нибудь письмо, газетную вырезку или другой документ, очень часто сопровождал свое письмо припиской: «Документ сохрани для архива». Например 9 сентября 1852 года Маркс писал Энгельсу: «При сем доклад из Парижа; он попал там в руки одному моему приятелю, который прислал мне копию с него, а я, в свою очередь, снял копию для Манчестерского архива»¹.

Энгельс также, посыпая какой-нибудь документ Марксу, часто просил вернуть его для архива.

В архиве сохранялись не только письма и официальные документы, но и старые газеты, вырезки и т. п., которыми Маркс и Энгельс иногда пользовались в качестве исторических справок. 1 декабря 1868 года Маркс на заседании Генерального совета был избран хранителем архива Интернационала.

Десятилетия беспримерного, неустанныго, напряженного труда по изучению теории давали Марксу возможность так всесторонне охватить предмет его исследований, что он мог овладеть вопросом полностью и изложить его диалектически. В одном из писем к Кугельману (27 июня 1870 года) Маркс писал, что Ланге не понимает ни гегелевского метода, ни его применения Марксом. «Ланге преувеличивает, — писал Маркс, — что в эмпирическом материале я «двигаясь на редкость свободно». Ему и в голову не при-

ходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как другое название известного метода изучения материала, — именно диалектического метода»².

«Конечно, — писал Маркс, — способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально осязаться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»³.

Когда Энгельс ознакомился с окончательной рукописью первого тома «Капитала», он посоветовал Марксу разбить его большие главы на мелкие подразделы подобно гегелевской энциклопедии.

Маркс в известной мере использовал предложение Энгельса, но при этом подчеркнул, что он ориентировался не на философов, а на любознательную молодежь, для которой усвоение «Капитала» Маркс считал вполне посильным делом.

Жене Л. Кугельмана, пожелавшей изучать «Капитал», Маркс посоветовал спачала читать следующие главы: «Рабочий день», «Кооперация», «Разделение труда и машины», а потом уже «Первопачальное накопление»⁴ и другие главы.

Враги марксизма неоднократно, как при жизни так и после смерти Маркса, распространяли версию о чрезвычайной трудности изучения «Капитала», написанного якобы громоздким и непонятным для среднего читателя языком. Это совершенно неверно. Разумеется, чтение и изучение «Капитала» (как и любого большого научного труда) требует системы, вдумчивости и настойчивости. Спешное и поверхностное чтение «Капитала» недопустимо. Однако, преодолев некоторые трудности первой главы (наиболее отвлеченной), читатель «Капитала» чем дальше, тем больше убеждается в том, что «Капитал» не труднее любой научной книги, а громадное наслаждение от силы логики генialного ума, от глубокой и страстной революционной убежденности, сказывающейся в каждом выводе и факте, приведенном в книге, ни с чем не сравнимо.

Маркс, как он не раз писал в своих письмах, любил сжатый, точный, образный язык и много работал над своим литературным стилем. В области сравнений

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 58.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVII, стр. 19.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXV, стр. 507.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXI, стр. 406.

Маркс мог поспорить с величайшими мастерами стиля — Лессингом, Гете, Гегелем и др. «Капитал» со стороны художественности и образности языка — непревзойденное в науке произведение. Маркса упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывалась стиль Маркса: он чрезвычайно ценил ясность и отчетливость изложения. Как рассказывает В. Либкнехт в своих воспоминаниях, Маркс говорил, что «ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму»¹.

В отношении чистоты и правильности языка Маркс был крайне щепетилен. Он старательно и долго подыскивал нужное выражение и не терпел злоупотребления иностранными словами.

Маркс не переставал учиться всю жизнь. По разносторонности и объему знаний он не имел себе равных. В истории науки XIX века с ролью Маркса можно сравнить только еще роль Дарвина. Маркс был глубочайшим эрудитом не только в вопросах экономики, но также в вопросах философии, истории, филологии. Он прекрасно знал большинство новых европейских языков, а также читал в подлиннике Аристотеля, Эсхила и других античных писателей.

Знание иностранных языков Маркс очень ценил и сам обладал огромным прилежанием в усвоении языков. Ему было уже 50 лет, когда он принял за изучение русского языка и овладел им в течение шести месяцев настолько, что мог читать русских поэтов и прозаиков. В особенности Маркс ценил Пушкина, Гоголя и Шедрина. Об иностранных языках Маркс говорил: «Чужой язык есть орудие жизненной борьбы».

3

Открытие Марксом закона развития человеческой истории и закона движения капиталистического способа производства — эти два научных открытия дали пролетариату оружие в классовой борьбе с буржуазией. Только Маркс и Энгельс сделали историю настоящей наукой.

Теория классовой борьбы была открыта не Марксом. Зачатки этой теории можно найти уже и у Маккиавели, Викко, Сен-Симона и у либеральных историков эпохи Реставрации, особенно у Гизо, Тьерри и Минье. Но у предшественников Маркса теория классовой борьбы имела ограниченное применение в рамках борьбы буржуазии с феодализмом. Только Маркс дал

¹ Карл Маркс «Избранные произведения в двух томах. Т. I, стр. 77. Гослитиздат. 1938.

строго научное понятие класса, а классовой борьбе придал всеобщий характер, показав классовую борьбу как стержень всей мировой истории. Быстро с тем именем Маркс научно доказал, что классовая борьба пролетариата против буржуазии неизбежно должна завершиться диктатурой пролетариата, а затем уничтожением всяких классов и построением коммунистического общества.

Маркс и Энгельс требовали конкретного исторического анализа каждого этапа общественного развития. Они противостояли прогрессу превращения их теории в «универсальную отмычку», ибо это как раз и означало отказ от марксизма, непонимание научного метода Маркса.

В своем знаменитом письме в редакцию «Отечественных записок» (в 1877 году) Маркс писал, что «события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической среде, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая лубротель которой состоит в ее падисторичности»².

Маркс и Энгельс проявляли огромный интерес к истории и много записывали ею. Маркс прекрасно знал древнегреческих и римских историков и многих из них цитировал в «Капитале».

Маркс основательно изучил 18-томную «Всемирную историю» Шлоссера, а также труды других немецких историков: Маузера, Рацке, Трейчке, Моммзена, Нибура. Из французских историков Маркс хорошо знал работы Луи Блана, Мишле, Токвиля, Гизо, Минье, Тьерри и др. Из работ известных английских историков Маркс проштудировал Маколея, Карлсля, Бокля, Роджерса и др. Маркс очень хорошо знал и серьезно изучал историю Великой буржуазной революции во Франции. Одно время Маркс собирался писать историю Конвента.

Среди рукописей и записей тетрадей Маркса, хранящихся в ИМЭЛ, имеется большое количество конспектов и выписок, характеризующих работу Маркса в области истории. К числу таких материалов относятся и недавно опубликованные тетради с «Хронологическими выписками»,stellанными Маркском, очевидно, в конце 70-х — начале 80-х годов³.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 375.

³ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. V.

Для составления этой «Хронологии» Маркс использовал 18 томов «Всемирной истории» Шлоссера и ряд других книг. Для первых десяти веков он законспектировал материал из работы итальянского историка Карла Ботта «История народов Италии» (издание 1825 года). Эту «Хронологию» Маркс составлял для себя, а не для печати. Он написал для себя обзор политической истории европейских государств, привлекая также историю государств Азии и Африки, поскольку эта история была связана с историей европейских стран. Например он дает историю «Магометанского мира» (945—1156) в связи с историей столкновения европейских народов с народами Азии; в связи с историей крестовых походов он делает обзор истории Египта и Сирии. Значительное место Маркс отводит истории монгольских нашествий в Европу и поэтому освещает историю татар в XII—XIII веках.

Конспектируя Шлоссера, Маркс нередко добавляет факты, которых у Шлоссера нет, исправляет имеющиеся у него неточности и ошибки.

«Хронологические выписки» дают огромный материал для понимания взглядов Маркса на историю. Кроме того они показывают, как Маркс изучал конкретные исторические факты и весь ход истории.

Исторический процесс Маркс изучает как конкретный процесс, но он не ограничивается этим. Изучение фактов истории у Маркса сопровождается выводами и обобщениями, основанными на огромном фактическом материале и сформулированными кратко, четко и остро.

Маркс сопровождает даже сжатые хронологические записи своими оценками и суждениями. Отмечая важнейшие даты, он показывает, как действовали массы и отдельные исторические личности. Маркс сочувственно отмечает героическую борьбу масс за независимость и с непривычностью и презрением клеймит угнетателей и эксплуататоров. В этом отношении чрезвычайно ярки страницы хронологических записей, посвященных завоеванию германскими рыцарями западного славянства, монгольскому вторжению в Европу, борьбе Новгорода и Пскова против западных завоевателей—немцев, — борьбе чешского народа против германских угнетателей и т. п.

В исторических работах Маркса с особенной яркостью и силой оказались единство теории и практики, непримиримая партийность, революционная страсть и убежденность, характерные для Маркса как пролетарского революционера-ученого. Тематика исторических работ, написанных Марксом, была тесно связана, а иногда и прямо продиктована текущими политическими событиями—классовой борьбой того

времени. Три известных исторических работы Маркса: «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера» и «Гражданская война во Франции» — были написаны по свежим следам событий.

В предисловии к третьему немецкому изданию «18 брюмера Луи Бонапарта» Энгельс, говоря о гениальности этого «краткого как эпиграмма» произведения, подчеркивал, что Маркс создал его непосредственно после переворота 2 декабря и что последующие события полностью подтвердили нарисованную Марксом картину. Для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было только у Маркса. Энгельс писал, что «Маркс с особенной любовью не только изучал прошлую историю Франции, но и следил за ее текущей историей во всех деталях, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставали его врасплох»¹.

Маркс написал свое «18 брюмера», используя «Новую рейнскую газету», а также французскую и английскую прессу. Почти одновременно с работой Маркса вышли две других новых книги: «Маленький Лаполсон» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона. Маркс охарактеризовал оба эти произведения как «историческую апологию героя государственного переворота».

«Я же показываю, — пояснял Маркс, — как классовая борьба создала во Франции обстоятельства и отношения, давшие возможность посредственному, смешному персонажу сыграть роль героя»².

Опубликованные в III томе «Архива Маркса и Энгельса» подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне», содержащие не только выписки из различных газет, но и два варианта рукописи «Гражданской войны», очень наглядно характеризуют методы работы Маркса как историка.

Изучая события в Париже за полтора месяца — с 18 марта до начала мая, — Маркс делал выписки из 21 газеты разных направлений. Кроме газет Маркс использовал информацию, которую сложными путями доставляли ему из Парижа некоторые активные деятели Коммуны. Отчеты и письма Серрайе, письма членов Коммуны Франкеля и Варлена также давали Марксу ценный материал. Подготовительные материалы к «Гражданской войне во Франции» представляют особенный интерес с точки зрения развития маркс-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 190.

² Карл Маркс «18 брюмера Луи Бонапарта», стр. 4. Партиздат. 1937.

вой теории государства и диктатуры пролетариата.

Полный непависти к «волкам и свиньям капиталистического общества», Маркс дал в этих документах образец страстного разоблачения врагов пролетарской диктатуры.

Впоследствии Ленин и Сталин использовали работы и письма Маркса и Энгельса о государстве для дальнейшего развития марксистско-ленинского учения о государстве.

4

Большой интерес при изучении методов научной работы Маркса представляет изучение вопроса о том, как Маркс работал над книгой.

Маркс не призывал случайного и бессистемного чтения. Он прежде всего искал в книге ответа на вопросы, которые его интересовали в связи с революционными задачами пролетариата.

Книги, которые читал Маркс, были самого разнообразного содержания, но выбор их всегда стоял в зависимости от занятий Маркса, диапазон которых был очень широк. В личной библиотеке Маркса книги были расставлены по содержанию в порядке, какой был нужен для работы Марксу. Книги были для него духовными инструментами, и он полностью их использовал. «Они мои рабы, — говорил Маркс, — и должны служить мне, как я хочу».

Маркс покрывал поля книг отметками карандашом и подчеркивал места, обратившие его внимание. Если автор писал ошибочные вещи, Маркс ставил на полях вопросительные и восклицательные знаки. У Маркса, как и у Ленина, была своя система подчеркивания. Она позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У Маркса была привычка после продолжительного перерыва перечитывать свои записные тетради и отмеченные в них места, для того чтобы закрепить их в памяти.

Маркс был иссущимым тружеником. Спать он ложился поздно, но утром, между 8 и 9 часами, уже был на ногах, пил черный кофе, прочитывал газеты, затем шел в свою рабочую комнату, где и работал до двух или трех часов ночи. Перерывы Маркс делал только для еды и вечером для прогулки. Днем час или два он спал на своем диване. Обдумывая какой-нибудь вопрос, Маркс любил шагать взад и вперед по комнате, — он даже вытолпал на ковре от дверей до окна полоску, точно тропинку на лугу.

При огромной напряженнейшей научной работе Маркс много уделял внимания и художественной литературе, которую он

очень любил и прекрасно знал. Сочинения Гейне, Гете, Эсхила, Шекспира, Данте, Бернса Маркс особенно любил и многое из их произведений знал наизусть. Выше всех романистов Маркс ставил Сервантеса и Бальзака. Когда Маркс очень уставал от научной работы, он читал романы А. Дюма и Вальтера Скотта. Маркс считал отдыхом не прекращение умственной работы, а перемену в ее характере. Вот почему он иногда начинал сразу несколько книг разного содержания и читал их попаременно.

Средством умственного отдыха была для Маркса также и математика, в особенности алгебра. К ней он прибегал в самые мучительные и трудные минуты своей жизни. В высшей математике Маркс находилialectическое движение в его наиболее логической и простейшей форме.

Домашней обстановке Маркс предпочитал библиотеку Британского музея; здесь он часами сидел и делал выписки из штудируемых книг. Маркс конспектировал книги с различной степенью подробности. В одних случаях конспектировались отдельные части или главы книги, в других — конспект превращался в подробный подбор цитат, в третьих — делались немногие важнейшие выписки — цитаты. Конспекты, выписки и цитаты Маркс сопровождал собственными замечаниями различного об'ема и характера. Среди выписываемых цитат Маркс часто вставлял свои слова и фразы, полемизируя с автором или высказывая ему свое одобрение. В свои записные тетради Маркс часто вносил названия книг, которые упоминал читаемый автор или которые Маркс собирался штудировать. Тетради Маркса наглядно показывают, как он подходил к отдельным авторам, что он у них выделял, какие факты считал наиболее важными, и т. п. В качестве образца работы Маркса над книгой можно привести конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», которую Маркс читал на русском языке в 1873—1874 годах.

Конспект книги Бакунина, вышедшей в 1871 году и направленной против учения Маркса о диктатуре пролетариата, проникнут острым критическим отношением Маркса к анархическим, мелкобуржуазным теориям Бакунина.

Маркс разоблачает в выписках и замечаниях, которые он делает здесь же, среди текста конспекта, мелкобуржуазные извращения Бакуниным классовой природы государства и полное непонимание им исторического процесса. В своем конспекте он уличает жульнические уловки и недостойные приемы полемики Бакунина, выписывает все его эпитеты и выпады против марксизма и всю его «аргументацию» против диктатуры пролетариата.

Маркс квалифицирует как «учепицеский вздор» рассуждения Бакунина о перспективах «социальной революции» и подчеркивает, приводя длинные и обстоятельные возражения Бакунину, что он «абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют»¹.

Приведенный нами анализ чтения и конспектирования Марксом книги Бакунина очень характерен для его метода работы. Маркс никогда не читал книгу беспристрастно и равнодушно. Он прежде всего борец и революционер. Даже во время чтения книги Маркс входит с представителем враждебной пролетариату идеологии и мобилизует против нее всю возможную аргументацию.

Марковы заметки, конспекты, выписки и цитаты делаются им всегда в предположении возможности выступить в защиту позиций пролетариата, а главное — быть всегда готовым для этой задачи.

Такими, по выражению Энгельса, теоретически отточенными резюме² были все замечания Маркса как на полях книг, которые он читал, так и в записных тетрадях, где он делал конспекты читаемых книг.

Характерным образцом того, как Маркс читал книги, являются оставшиеся после смерти Маркса русские книги с его пометками.

Маркс начал изучать русский язык, заинтересовавшись книгой Флеровского на русском языке — «Положение рабочего класса в России». Уже через шесть месяцев после получения книги Маркс мог читать ее в оригинале и написал Энгельсу очень положительный отзыв о ней и ее авторе.

В письме к Кугельману (27 июня 1870 года) Маркс писал, что русским языком он начал заниматься в связи с изучением ренты. «Я нашел нужным,— писал он,— приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности»³.

Маркс особенно серьезно заинтересовался материалами земской статистики, которые ему посыпали из России его русские друзья. Он надеялся на основе русских материалов переработать отдел о ренте в III томе, но не успел этого сделать.

Маркс и Энгельс чрезвычайно основа-

тельно изучали положение в России, отмечая громадное, всемирноисторическое значение грядущей русской революции. Уже тогда они предвидели, что победа революции в России обеспечит продолжение дела Парижской коммуны во всем мире.

В письме к Лаврову от 28 января 1884 года Энгельс сообщил, что, приводя в порядок книги Маркса, он нашел среди них целую коллекцию книг на русском языке.

«Среди прочего,— писал Энгельс,— имеется целая русская библиотека, которая состоялась благодаря любезности Даниельсона и содержит очень ценные материалы о современном социальном положении России. Там собрано почти все, что вышло по этому вопросу»⁴.

Энгельс большую часть русских книг отоспал Лаврову, но и оставшихся книг (потом перешедших в архив германской социал-демократии) насчитывалось 100 томов.

Все русские книги, оставшиеся от Маркса, характеризуют исключительную систематичность его работы, упорство и терпение в преодолении русского языка, стремление Маркса понять дух чужого языка, постигнуть его особенность и красоты.

В русском языке Маркс считал самым трудным ударения, поэтому он отмечал их в книге первом. Отдельные слова и выражения Маркс подчеркивал, а на поляхставил соответствующие слова на немецком, английском и французском языках, близко передающие смысл непонятных русских слов.

Особенно показательным примером чтения Маркса русских книг являются его отметки на книгах Салтыкова-Щедрина, которого Маркс очень ценил. Если читать только места, отмеченные Маркском, то в них содержится вся квинтэссенция книги Щедрина, весь смысл ее общественно-политической тенденции, вся тонкость характеристики типично русского помещичьего или чиновниччьего быта, в отличие от европейского.

Поражает, как Маркс, никогда не бывавший в России, входит в существо русского полукрепостнического быта и проникает в тайники «эзоповского» языка, той замечательно острой и глубокой иносказательности, в которой заключается громадное своеобразие произведений Салтыкова-Щедрина. Например при чтении книги «Господа Ташкентцы» Маркс дважды подчеркивает красивым карандашом описание внешнего вида небогатой помещичьей усадьбы, тонущей среди крестьянских изб.

Маркс подчеркивает и выделяет такие места, как заявление литератора Кукольни-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 188.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 307.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 59.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 348.

ка: «Прикажут, завтра же буду акушером» или «Если мы еще не изобрели пороха, то это значит, что нам не было то приказано».

На стр. 145 Маркс подчеркнул: «И при том брал исключительно с имущих, а неимущих только сек».

Отметки Маркса свидетельствуют, что он стремился не только овладеть русским языком, но и познакомиться с правами России; так, Маркс подчеркивает или выписывает такие выражения: «он смешал цивилизацию с табелью о рангах», «досталась ему шуба с барского плеча», «желай в пределах возможного», «человек — планета, около которой вертится человек-спутник», «показать, где раки зимуют» и т. п.

При чтении книги «Убежище Монпрено» Маркс с особенным, видимо, интересом читал главу «Предупреждение». Она испещрена заметками и подчеркиваниями, особенно там, где говорится об охранителях и столпах общества. На стр. 175 — 176 книги Щедрина Маркс с особым вниманием читает места о приходе «чумазого», которого все ждут, даже стерляди. Маркс подчеркивает слова: «слава богу, кажется, скоро начнут есть и нас».

Маркс отмечает цветным карандашом все мысли Салтыкова-Щедрина о патриотизме, об отечестве, о государстве, частной собственности, он подчеркивает все места, в которых звучит протест против угнетения и реакции.

С особенным уважением Маркс относился к «великому русскому ученому и критику», как Маркс называл И. Г. Чернышевского. Его «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Дж. Ст. Милля» густо покрыты подчеркиваниями и заметками Маркса.

На страницах, где Чернышевский дает характеристику труда, Маркс отмечает: «хорошо!» На стр. 188 книги длинная цитата, выписываемая Марксом из книги Чернышевского, прерывается восклицанием: «браво!»

Выписывая цитату Чернышевского из

главы «Обзор отдела о труде», в которой автор критикует «меркантильные воззрения школы Смита», Маркс под этой цитатой делает приписку: «Чернышевский не имеет никакого понятия о капиталистическом производстве».

Таким образом, при чтении Чернышевского Маркс отмечает и места, где сказались сила мысли Чернышевского, и рассуждения, свидетельствующие о том, что Чернышевский еще был социалистом домарковского периода.

Несколько внимательно читал Маркс русскую историческую литературу, видно из заметок, которые Маркс сделал на книге Беляева «Крестьяне на Руси». В конце главы «Отношения крестьян между собою» Маркс пишет свое заключение: «В этом параграфе о взаимных отношениях крестьян ничего нет о разделе общинной земли. Кроме того, цитированные исторические документы относятся только ко второй половине XV века и к XVI веку».

Маркс высоко ставил также и критические статьи Добролюбова. Читая его статью «Темное царство», он подчеркнул все места о придавленности русского общества, о тяжелой женской доле и т. п.

* * *

Изучение записных тетрадей Маркса, его конспектов и выписок, анализ системы чтения Маркса, разбор книг с его отмечками на полях, его подчеркиваний и т. п. представляют громадный интерес для ознакомления с методом научной работы Маркса. Необходима быстрая публикация и тщательное изучение подобных материалов, чтобы показать нашим кадрам, как глубоко, тщательно и всесторонне, с какой поразительной научной добросовестностью, с каким упорством и целеустремленностью работал Маркс над вопросами теории. Несравненные образцы научной работы Маркса нам необходимо изучать и по ним работать, чтобы быть способными двигать марксистско-ленинскую науку вперед.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ГУСИТСКАЯ ВОЙНА до 1432 года*

Среди преследуемых Констанцким собором умеренных профессоров Пражского университета, последователей (узколобых) Яна Гуса и Иеронима, — они назывались каликстинцами или утраквистами — выделялись: Ян из Есениц, Якубек из Миса, Христиан из Прахатиц, Ян Кардинал из Рейнштейна, Симон из Тишнева, Симон из Рокицан, Зденек из Лабуна, Маркус из Кралева-Градца, барон Здислав из Звиржетиц и Михаил Чижек из Малениц.

Народно-революционные евангелически-коммунистически-республиканские секты, мелющие вздор о коленах Израиля (подобно ученикам Виклефа в XIV веке и сектантам в Англии в XVII веке), основатели которых следовали учению эмигрировавших в Чехию пикардов, альбигойцев и бегардов, поселились сначала около Устья над Лужницей, где их принял богатый фабрикант суконных изделий Питтель [как раньше Гуса]; здесь они основали Табор (оны дали это библейское название горе, на которой они расположились). Когда началась война, вокруг этих возбужденных иностранными утопистами основоположников сект и учителей: магистра Яна из Ичина, священников Венека, Яна из Быдлина, Канисша, Пшенички и др., собрались тысячи, расположившиеся вначале под открытым небом; затем они помогли основать [[городок]] Табор.

25 января 1417 выпущена прокламация гуситскими — и каликстинскими — магистрами в Праге [точь-в-точь как Лютер, против Карлштадта, Мюнцера и т. д.]. Из этой прокламации видно, что пражские богословы хотели сохранить чистилище, молитвы и милостыню за усопших, кult икон, церковные обряды, вроде освящения соли и воды, вербу и пасхальные яйца и пр. [фактически опять шаг назад от Гуса и Иеронима]. Только цинизм и гонения Констанцкого собора против этих педантичных сколастов заставили их пойти дальше.

22 февраля 1418 Мартин V в булле, изданной в Констанце, со страшными угрозами обрушился на всех последователей Гуса, Иеронима, Виклефа; повторил по отношению к чехам инквизиционную буллу Бонифация, которая начиналась словами «ut inquisitionis negotium» [[чтобы дело инквизиции]] и призывала светские власти против всех еретиков; в послании от

марта 1418 он подверг всех чехов грубейшим оскорблением. Чешское дворянство и чешский народ пришли в ярость. Венцель, который собирался было ограничить свободу проповеди, вызвал этим восстание в Праге и вынужден был бежать в замок Вышеград, потом он стал благоразумнее.

* Настоящий материал перепечатан из № 1(11) «Пролетарской революции» за 1939 год. Слова, заключенные в двойные квадратные скобки, вставлены редакцией «Пролетарской революции» для пояснения отдельных конспективных записей Маркса.

9 июня 1418 Венцель издал следующий закон: чешские подданные-миряне не могут вызываться на иноземный духовный суд. По наущению прохвоста (Lumpacius) «Сигизмунда», [который, в свою очередь, находился под влиянием кардинала Иоанна Доминичи (доминиканец)], воевавшегося

в конце 1418 через Пассау обратно в Венгрию, паршивец — Венцель начал в феврале 1419, когда вся Прага перешла на сторону утраквистов, ограничивать богослужение утраквистов, разрешая его только в определенных церквях в Праге, и стал метать громы и молнии против еретиков. Лучший его государственный деятель Николай из Гусинца и его лучший полководец, престарелый Жижка из Троцнова (прославившийся в Польше и Литве в войне тевтонских рыцарей с язычниками) бросили у него службу. Венцель бежал из замка Вышеграда в замок Венцельштейн близ Кунартица. Венцель об'явил Жижку и Николая из Гусинца еретиками и изгнал их из страны. На горе Табор (лагерь, основанный на холме Градышт у Лужницы; с 3 сторон окружён многоводными ущельями, а с 4-й стороны неприступен, как крепость) священники летом 1419 совершали под открытым небом богослужение, на которое стекались многие тысячи.

23 июля 1419 Николай из Гусинца собрал здесь со всех концов Чехии 42 000 мужчин, женщин и детей [[на]] религиозный национальный праздник; собравшиеся называли себя народом божиим и коленом Иуды. По их словам, крестьяне и дворяне — братья. Праздник на усеянном палатками холме продолжался несколько дней; все носило мирный характер. Венцель поставил на место смещённых гуситов в магистрате Нового города в Праге их противников и собирался сделать то же самое в Старом городе и в Малом городе.

30 июля 1419 процесия по всем улицам Праги под руководством бывшего монаха — премонстранта Иоанна, основавшего в Новом городе в Праге фанатическую sectу. Магистрат, правоверные граждане и служители городского совета оскорбили процессию: толпа, поддерживающая Жижкой и его вооруженными людьми, взяла штурмом ратушу, 7 муниципальных советников, а также городской судья Никлашек были выброшены из окон, их подхватили на пики и уокошили; остальные советники скрылись.

16 августа 1419 Венцель умер. [[Это послужило]] сигналом ко всеобщему восстанию в Чехии; гуситы всюду взяли власть в свои руки.

29 сентября и 11 ноября 1419 снова собрания на горе Табор, в которых участвовали Жижка (во главе 4 000 вооруженных людей) и гуситский священник Вацлав Коранда. Большинство городов еще долго оставалось во власти немцев, с одобрения большинства чешскихмагнатов (Landherrn). Жижка через фанатиков-проповедников и путем прокламаций обратился к крестьянам и ко всему чешскому населению, призывая их не доверять ни одному немцу и не щадить ни одного из них. Борьба против «антихриста». В Праге удержалась у власти умеренная партия, так как у нее были мушкеты и пушки; однако в городе [[происходили]] убийства и пожары, жгли дворцы; ратушу и так называемый Саксонский дом взяли приступом, последний был превращен в крепость; все остальные города кроме 5 в руках умеренных гуситов; Жижка разбил рыцарей Пильзена и отнял у них этот город; в кровавом сражении фанатики разбили фон-Розенберга, опустошили Устье, построили крепость на горе Табор. Число умеренных было еще велико.

Рождество 1419 сейм в Брно, созданный Сигизмундом. Присутствовали попы и придворная аристократия, чешские и моравские бароны, рыцари и бургграфы и депутаты от городов; а также вдова Венцеля — София (бежавшая из Праги из-за беспорядков).

27 декабря 1419 в Брно явилась также депутация от города Праги; Сигизмунд обращался с депутатами, как с крепостными; на первой аудиенции они должны были просить на коленях прощения и т. д., обещать сместь всех еретиков с занимаемых ими должностей. Тем временем революционеры укрепляли занятые ими города, причем им оказывали большую помощь опытные рудокопы, принадлежавшие к их партии. Своим поведением по отношению к умеренным прохвост Сигизмунд заставил все партии Чехии обединиться против короля и немецких князей, которых папа науськивал на эти партии; это произошло после того как Сигизмунд во время своего пребывания в Силезии —

в феврале 1420 выступил против цехов, особенно против мясников, которые в июле 1418 взяли приступом ратушу; по славянскому обычаю они выбросили из окон муниципальных советников или же иным способом прикончили их. Сигизмунд назначил комиссию, которая приговорила к смерти 23 граждан; Сигизмунд приказал

в марте 1420 восьми палачам обезглавить их у себя на глазах, он подарил городу имения бежавших, урезал права цехов, особенно мясников, назначил на 20 имеющихся постов муниципальных советников 16 угодливых псов из дворянских родов и только 4 из городской общины.

Там же в Бреславле

15 марта 1420 бывшего члена магistrата Яна Краха по приказанию Сигизмунда сначала поволокли на лобное место, а затем сожгли там за то, что он защищал Гуса и порицал собор. Вслед за тем Сигизмунд, через папского легата и инквизитора Фердинанда из Лукки, огласил перед гражданами Бреславля буллу Мартина V, призывающую к крестовому походу против чешских гуситов. Пражские горожане и университет высказались против прохвоста Сигизмунда и впустили в Прагу Жижку и его тaborитов. Когда затем Прохвост вместе с немецкими князьями и епископами пытался провести обявленный папой крестовый поход против Чехии, в Праге с'езд городских депутатов об'явили его низложенным и врагом чешской нации, которого она никогда не согласится признать своим королем. Немецкие князья усердно поддерживают Сигизмунда, потому что почти все немецкие города, граждане и свободные общины, особенно города, подвластные духовным князьям или имевшие в своих стенах церковные учреждения, монастыри и духовную юрисдикцию, повидимому, склонны были последовать примеру чехов. Немецкое войско [курфюрсты Майнцский, Трирский, Кельнский, Пфальцский и Бранденбургский, герцоги Австрийский и Баварский, два маркграфа Мейссенские, ландграф Тюрингенский и много епископов, рыцарей, графов; сверх того тысячи насильственно набранных горожан и крестьян, которых князья и рыцари сгоняли, как стадо баранов, и которые при первом же удобном случае удирали] подошло с запада и встретилось у Праги с прохвостом Сигизмундом, который подошел из Силезии; это войско состояло будто бы из 150 000 человек.

14 июля 1420 в Праге Жижка отбил штурм немецких псов; затем произошло решительное поражение этих псов на горе, которая с того времени стала носить название горы Жижки. За недостатком продовольствия немцы начали разорять и грабить окрестности города; это вызвало месть со стороны славян!

Жижка и Сигизмунд старались превзойти друг друга в жестокости: со стороны чехов зверства совершились главным образом крестьянами двух фанатических сект — хоривитов и тaborитов — и дикими воинами Жижки, которые вследствие [[после смерти своего вождя]] стали называть себя орфанитами, или сиротами; были и другие секты, как, например, адамиты и пикарды. В продолжение всего июля пражские «умеренные» вели переговоры с Сигизмундом; из этого ничего не вы-

шло, так как он не соглашался признать ни их национальных прав, ни сделанных ими изменений в богослужении

19 июля. Несколько фанатиков Жижки подожгли в немецком лагере под Прагой шалаши, построенные из хвороста и валежника, буря и ветер способствовали распространению пожара,

30 июля 1420 немецкие остолопы с позором возвратились домой. Прохвост успел устроить свое коронование пражским архиепископом, в руках которого еще находился пражский замок, оставил в крепости Вышеграда гарнизон, затем укатил Революционеры осадили Вышеград и довели его до крайности Сигизмунд возвратился с войском, собранным из сохранивших ему верность чехов и моравов.

1 ноября 1420 в битве под Вышеградом Прохвост был наголову разбит и бежал вместе со своим войском.

2 ноября 1420 Вышеград сдался В последовавшей затем войне венгры прохвоста Сигизмунда и фанатики Жижки старались превзойти друг друга, предавая огню города и села и убивая и калеча людей

В конце 1420 Николай из Гусинца умер; Жижка тогда оказался один во главе всех «неумеренных».

В начале 1421 Жижка двинул со своими организованными военными бандами в Моравию; пачками сжигал в Чехии католиков-чехов, а также коммунистических и «безбожных» адамитов, всюду разбивал королевские войска

К концу февраля 1421 Прохвост вынужден был отступить в Моравию (из Чехии).

Жижка (подобно Кромвелю) чрезвычайно варварскими средствами добился на состоявшемся

в июле 1421 ландтаге в Чаславе всеобщего признания т. н. четырех статей, которые были выставлены раньше умеренными, к этим статьям впоследствии были прибавлены еще две Ландтаг до избрания нового короля назначил временное правительство из 20 директоров. С сектами Жижка не справился, но на поле сражения он был всегда победителем, хотя один глаз у него был совершенно слеп, а другой был серьезно поврежден на войне. Жижка нашел себе двух младших военачальников в лице двух монахов, которые оба носили имя Прокоп: по их росту одного из них называли Прокоп Большой, а другого — Прокоп Малый или Прокопек, Прокопу Большому дали также прозвище Голый (постриженный или монах).

После отступления Сигизмунда с войском из Чехии тaborиты, хоривиты и К^о вторглись также и в соседние страны: нескованно — и по заслугам — страдали от их диких набегов немцы Тем временем Прохвост вздумал спекулировать своей дочерью Елизаветой: одно время он хотел даже продать ее турецкому султану, ей было тогда 12 лет, в конце концов она осталась за Альбрехтом II Австрийским, с которым она была помолвлена еще с двухлетнего возраста, Сигизмунд должен был ему 200 000 дукатов, которые были истрачены на военные нужды в Чехии, и Альбрехт обещал уплатить за эту скотину (*für das «Vieh»*) еще 60 000 дукатов наличными. Уже

в 1422 Елизавета обвенчалась с Альбрехтом II Австрийским, которому Прохвост уступил также и Моравию. Альбрехт II свирепствовал в Австрии против еретиков и евреев и сжигал их сотнями, он был твердолобым католиком (*dickkopfig Orthodox*); своими походами против гуситов он привлек последних в Австрию, которую они основательно разорили. Войска, снаряженные Альбрехтом II и подкрепленные мадьярскими и куманскими ордами Прохвоста, терпели одно поражение за другим; так например

в сентябре 1421 под Жатцем (Заац), поджидая Сигизмунда с востока, стояли лагерем *маркграф Мейссенский, курфюрсты Майнцский и Бранден-*

бурский и много других епископов и феодалов. По получении известия о приближении Жижки войско немцев обратилось в паническое бегство; во время бегства большая часть его была перебита.

В ноябре 1421 Прохвост явился с войском, которым командовал кондотьер Пипо из Флоренции; он дошел до Праги и был уверен, что окружил Жижку у Куттенберга, но Жижка ночью прорвался через армию немцев.

В январе 1422 отступление немецкой армии. У Немецкого Брова ее настиг Жижка, разгромил ее, отнял знамена и обоз, рассеял и преследовал до Иглау Сигизмунда предат огню Куттенберг и перебил его жителей, Жижка сделал то же самое в Немецком Броде, который после этого на 14 лет превратился в пустыню.

Летом 1422 Сигизмунд — после долгих пререканий — отправился на германский сейм в Нюрнберге. Всяческие бумажные мероприятия относительно крестового похода против Чехии; его предводитель Гогенцоллерн Фридрих Бранденбургский принял в церкви св. Зебальда в Нюрнберге знамя, освященное папой. Но из этого «крестового похода» тоже ничего не вышло. Теперь Сигизмунд мог рассчитывать в Германии на одного только Альбрехта II Австрийского и на нового курфюрста Саксонского, которым по пресечении Асканской линии (1422) в 1423 Прохвост назначил Фридриха Строптивого, маркграфа Мейссенского и ландграфа Тюрингенского.

В октябре 1424 Жижка умер. Среди вождей — самых ярых фанатиков, которые стали называть себя теперь орфаниками, или осиротевшими, — самым выдающимся был Прокоп Малый; прочие тaborиты находились под влиянием Прокопа Большого. Некоторые магнаты (Landherrn) вели переговоры с Прохвостом, другие, а также горожане Праги — с литовским принцем Сигизмундом Корибутом, который в 1422, когда пражцы предложили ему корону, приехал в Чехию, но уже в 1423 снова уехал домой Фридрих Строптивый, новый саксонский курфюрст, полагал, что сможет использовать в своих интересах смуту в Чехии, но чехи разорили переданные ему Прохвостом пограничные города Дукс и Брикс, вырезали жителей их, разбили спешившие на помощь саксонские и тюрингенские войска, уничтожив в одном только сражении 4 000 человек; они осадили чешский город Ауссиг (Устье на Лабе), который тоже незадолго до этого перешел к Саксонии.

В начале июля 1426 г. Жена Фридриха, который находился тогда на одном из многочисленных в то время немецких сеймов, послала войско (из саксонских, тюрингенских и франконских воинов) под начальством графов Вейденского и Шварцбургского; последние, как взбесившиеся ослы (als hirntolle Esel), пошли на приступ вагенбурга [[укрепления из повозок]] чехов, тaborиты нанесли немецкой сволочи страшное поражение; 15 000 немцев остались на месте под ударами зубчатых копий и железных цепов тaborитов; 4 000 повозок с провиантом и поклажей стали добычей гуситов.

6 июля 1426 чехи взяли приступом Ауссиг, превратили его в пепел,avarварски перебили население.

У немцев в виде исключения были иногда успехи, так например: в марте 1427 австрийцы истребили гуситское войско, которое вторично осадило город Цветтель.

Непрекращающиеся набеги обоих Проколов и целых полчищ фанатиков на Силезию, Мейссен, Лавиц, Саксонию и Франконию. Горожане Праги и все чешское рыцарство, которые были настроены умеренно и монархически и вели переговоры с Сигизмундом, оказывались более слабой стороной. Иное дело тaborиты, находившиеся под предводительством Прокопа Большого, и фанатические секты, не имевшие настоящего вождя; они ничего и знать не хотели о городах и крепостях, они жгли все населенные пункты, которые попадались по пути;

они жили под открытым небом, лагерь их состоял из сотен повозок, связанных между собой цепями, и т. д. и т. д., они называли себя народом божиим, Чехию — обетованной землей, жителей Мейссена — моавитянами, саксонцев — эдомитянами, а немцев — филистимлянами [[филистерами]] (Браво!)

В апреле 1427 снова собрание князей и т. д. во Франкфурте; они составили матрикул (как в 1422 матрикулом называлось предписание о том, сколько войск или денег каждое сословие должно представить для войны) и военный устав из двух частей [там имелся также артиллерийский устав и говорилось о крепостных пушках (Terras-Büchsen) статьи 35—45]. (Главные надежды — в войне с Чехией — эти ослы возлагали на одну большую пушку с каменными ядрами в 150—200 фунтов.) В Нюрнберг, где должен был собраться «ландштурм» (ополчение), явились только курфюрст Оттон Трирский и некоторые другие; да и те потом улегучились.

В июле 1427 гуситы произвели необычайные опустошения и грабежи в Силезии, Саксонии, Франконии, Мейссене. Тогда состоялось соглашение о всеобщем имперском походе в Чехию. Сборным пунктом был избран город Мис, где должны были соединиться двигавшиеся с различных сторон войска. Как только весть об этом распространилась по Чехии, все партии обединились [даже католические феодалы с их рыцарями, пражская пехота вместе с таборитами под предводительством Прокопа Большого, тaborиты с 500 повозками, орфаниты с 200 повозками, хоривиты с пехотой и т. д. — все они двинулись на Мис].

21 июля 1427 саксонцы, прибывшие в Мис раньше других немецких войск, пытались отступить к франконской границе, откуда должны были вторгнуться прочие имперские войска. Это отступление при преследовании со стороны гуситов превратилось в паническое бегство, гуситы убили около 12 000 бегущих и захватили весь их обоз и артилерию. Узнав об этом, обе другие немецкие армии, из которых одна, бранденбургская, должна была вторгнуться [[в Чехию]] у Эгера, а другая у Тавсса, повернули назад. Прокоп взял [[город]] Тахав, расположенный в Богемском лесу, уничтожил его вместе с его жителями, но потерпел неудачу под Пильзеном.

Тогда в 1427 [[состоялся]] сейм в Гейдельберге. Было принято решение о наборе регулярного имперского войска [так как Гогенцоллерн Фридрих Бранденбургский заявил, что невозможно справиться с чехами с теми неготовыми ополченцами и нетренированными кочными латниками, которых без разбора лавало каждое сословие], далее о взимании военного налога; вербовку должны были производить Фридрих Бранденбургский, который был назначен главнокомандующим, и папский легат кардинал Генрих Винчестерский. Часть денег была собрана и присвоена сборщиками. К этому и свелись результаты этого сейма. Тем временем гуситы взяли Плауен, разбили саксонцев при Гrimme, проникли дальше за Лейпциг и в глубь марки.

1428 Австрия и Моравия изнемогали от военных налогов Альбрехта II; гуситы в то время безуспешно пытались взять Брно, вскоре после этого они дошли до самой Вены, под которой они одно время стояли лагерем у Нусдорфа.

1427—29 гуситы [которые в эти годы трепали (zausen) Силезию, Лаузитц, Мейссен, Верхнюю и Нижнюю Саксонию, Франконию и Баварию], разрушили более 500 укрепленных городов; в то время внутри страны те же табориты, хоривиты и другие фанатики, превратившиеся в организованные разбойниччьи банды, успешно воевали с пражцами, с баронами, с приверженцами Сигизмунда и с немцами, живущими в Чехии. Весной 1429 казалось, что будет заключен мир с Прохвостом; последний пригласил вождей [[гуситов]] для переговоров; в связи с этим решено было заключить перемирие до июня; в Пресбург явился во главе де-

путации Прокоп Большой; в Пресбурге находился также Альбрехт II Австрийский; но Сигизмунду были поставлены неприемлемые условия. Ничего не вышло. [Требовали, чтобы Сигизмунд признал библию за основу веры, разрешил причащение под обоими видами, даровал амнистию главарям [[чехов]] и т. д.]

В сентябре 1429 тaborиты и хоривиты возобновили свои опустошительные походы, произвели набеги на Моравию, Силезию и Саксонию; в Дрездене был выужжен Старый город, между тем как курфюрст Фридрих Миролюбивый (сын «Строптивого») заперся [[в Новом городе]]; все города до Магдебурга были превращены в пепел; в Лаузице сожжены были все деревни, а когда город Герлиц в ответ на требование сдаться зашил гуситских посланцев в мешки и утопил их (!), то за это пришлось поплатиться жителям других местностей.

В начале 1430 под предводительством Прокопа Большого вся Чехия устроилась на Германию (20 000 конных и 52 000 пехотинцев, свыше 3 000 повозок, запряженных 10—12 лошадьми, которых, однако, потом нехватило для вывоза добычи). [Гуситы совершали также набеги на Венгрию и Польшу.]

Саксония и Франкония превращены были в пустыню; свыше 100 городов были сожжены, все стада уведены в Чехию; главный военачальник Фридрих Бранденбургский откупился от гуситов за 10 000 дукатов, город Эгер за 1 700, Нюрнберг за 10 000 дукатов, епископ Бамбергский за 9 000, баварский герцог Иоанн за 10 000 дукатов; Ансбах, Эйхштадт и Зальцбург тоже за большие деньги откупились от разгрома.

В конце 1429 сейм — в первый и последний раз — в венгерском городе Пресбурге (так как «Прохвост» лежал там, страдая от педагры). Целью [[сейма было добиться]] прибытия Сигизмунда на сейм в Нюрнберге; венгерские магнаты согласились на это лишь с тем условием, что после сейма он немедленно же возвратится в Венгрию.

В середине сентября 1430 Сигизмунд прибыл на Нюрнбергский сейм (он должен был приехать в марте, но по обыкновению был баклущи в пути и попуту растрачивал время). Большинство представителей сословий уже уехали; он созвал новый сейм на ноябрь, но лишь

в феврале 1431 состоялся сейм в Нюрнберге; более многолюдный, чем когда бы то ни было за последнее время, в связи с набегами гуситов. В апреле 1431 принято было решение о матрикуле и военном уставе. Из этого ничего не вышло. В то же время было принято решение о земском мире до дня св. Мартина в 1432. Это тоже ни к чему не привело!

С правосудием «священной империи» в то время дело обстояло так: например, между баварскими герцогами Людвигом Ингольштадским и Генрихом Ландсгутским шла долголетняя тяжба, ксторая еще в 1417 разбиралась Прохвостом в Констанце, где Генрих коварно напал на большой дороге на своего двоюродного брата Людвига; затем оба они вели друг с другом долголетнюю войну в Баварии; наконец, рыцарь Каспар Торрингенский из партии Людвига обратился в вестфальское тайное судилище (*Fehmgericht*), оказалось, что это судилище в состоянии было привести в исполнение свой приговор над всесильным Генрихом, что никогда не удалось бы Прохвосту; поэтому Прохвост стал поддерживать теперь кельнского архиепископа Дитриха, который пытался ограничить власть тайного судилища; Дитрих еще в 1430 составил с своими шеффенами и юристами план такого ограничения. Но из этого ничего не вышло. То же самое можно сказать о постановлениях нюрнбергского сейма относительно других имперских, а также и королевских придворных судов и относительно монетного дела.

Между тем кардинал Юлиан, посланный папой в качестве легата в Нюрнберг, проповедывал крестовый поход против гуситов. На религиозном съезде, который проведен был различными гуситскими партиями в то самое время, когда в Нюрнберге заседал сейм, выяснилось, что утраквисты, или каликстинцы, в такой же мере вернулись обратно к старой церкви, в какой все более удалялись от нее фанатические и апокалиптические секты, совершившие в своих разбойничих походах

Поэтому умеренные гуситы послали в Эгер депутацию, — в том числе также и Прокопа Большого, — для переговоров о соглашении с уполномоченными Сигизмунда. Никаких результатов. Кроме того Прокоп получил сведения об исступленных проповедях крестового похода, которые Юлиан держал перед навербованным войском; национальный момент сразу сплотил все партии в Чехии. Еще прежде чем немецкое войско двинулось в поход, гуситы заняли все подступы к стране; и как оказалось на смотре, состоявшемся в Пильзенском округе, собрали: 50 000 пехотинцев, 5 000 всадников, 4 000 повозок и много пушек. Юлиан же своей проповедью собрал в Германии: 40 000 всадников и лишь немного пехоты.

26 июня 1431 в церкви св. Зебальда в Нюрнберге Сигизмунд, оставшийся в Нюрнберге, возложил на Гогенцоллерна Фридриха Бранденбурского главное командование армией крестоносцев; причем в числе прочих комедий елейная речь кардинала Юлиана.

В первых числах августа 1431 имперская армия, сопровождаемая кардиналом Юлианом, вторглась в различных местах в Чехию; при Тахове одна часть армии с самого же начала оказалась позорно разбитой и рассеялась во все стороны. Фридрих Гогенцоллерн стянул к себе все прочие части и расположился со всей немецкой армией лагерем близ Таусса; неожиданно здесь появилось войско гуситов под предводительством Прокопа Большого (крайне озлобленное в виду страшных опустошений, грабежей, пожаров и убийств, совершенных по наущению кардинала Юлиана). При крике: «Прокоп идет!» паника и повальное бегство охватили немецкое войско; во время этого безудержного бегства армия потеряла 11 000 человек, 2 000 повозок, 150 своих громадных пушек. Карадинальская шапка кардинала Юлиана [Это тот самый пес (*der selbe Hund*), который впоследствии вовлек в беду венгров и которого при этом уокошили (*und selbst dabei gemurxt!*)], булла о крестовом походе, ризы и крест, который несли перед ним — тоже стали *spolia opima* (боевой добычей). И замечательно: когда один баварский герцог полал первый пример к бегству, то великий воин (!), главнокомандующий Гогенцоллерн, курфюрст Фридрих Бранденбургский и не подумал даже о поддержании какого-либо порядка, а с самого же начала перестал отдавать распоряжения и удрил. [Он гораздо лучше умел давать ссуды под залог.] Прокоп Большой вторгся в Фойхтланд и в нетронутый до тех пор Остерланд. [Под Таховым он так разгромил войска саксонского курфюрста и шедших к нему на помощь баварцев, что лишь немногие уцелели. После этого курфюрст с помощью дани купил уход Прокопа.]

Силезцы откупились от гуситов, которые одновременно напали также и на них; отряд в 8 000 орфаниотов проник до венгерского города Кремницца и скрылся. Тем временем при известии о победе бедные гуситские крестьяне в Моравии восстали против фанатического гнета своих тиранов, а

в 1431 Альбрехт II Австрийский, явившись в Моравию, уничтожил огнем и мечом 500 гуситских деревень; за этим последовала месть: 1432 гуситы разбили австрийцев,